

Научная статья

УДК 32.019.52

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

Философский и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии

Илья Вячеславович Демин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Самара, Россия

ilyadem83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031>

Аннотация

Проводится различие между двумя ракурсами рассмотрения феномена идеологии – философским и социально-эмпирическим. Для описания философского аспекта проблемы идеологии вводится термин «идеологическая парадигма». Показано, что различие между идеологией как конкретным комплексом убеждений и идеологией как парадигмой социально-политического мышления имплицитно присутствует как в тех концепциях, которые видят в идеологии по преимуществу социально-когнитивный феномен, так и в тех, которые рассматривают её как феномен дискурсивный. Обоснован тезис о том, что ключевые проблемы современной теории идеологии (основания различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, соотношение идеологических убеждений и общезначимых социальных знаний, ошибочная идеологическая самоидентификация) не могут быть решены без обращения к понятию «идеологическая парадигма».

Ключевые слова

идеология, теория идеологий, критика идеологии, идеологическая парадигма, язык идеологии, лингвистический поворот, социальная идентичность

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ»

Для цитирования

Демин И. В. Философский и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 99–116. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

© Демин И. В., 2021

Philosophical and Sociological Perspectives of Consideration of the Problem of Ideology

Ilya V. Demin

Samara National Research University
Samara, Russian Federation
ilyadem83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5821-3031>

Abstract

The article focuses on the difference between the two perspectives of considering the phenomenon of ideology: philosophical and socio-empirical. To describe the philosophical aspect of the problem of ideology, the term “ideological paradigm” is introduced. The distinction between ideology as a specific set of beliefs and ideology as a paradigm of socio-political thinking is implicit in both socio-cognitive and linguistic theories of ideology. The most important problems of the modern theory of ideology cannot be solved without referring to the concept of “ideological paradigm”.

Keywords

ideology, theory of ideologies, criticism of ideology, ideological paradigm, language of ideology, linguistic turn, social identity

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the Presidential Grants Council of the Russian Federation, project MD-2252.2021.2 “The Political language of Russian Conservatism: cultural and semiotic analysis”

For citation

Demin I. V. Philosophical and Sociological Perspectives of Consideration of the Problem of Ideology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 99–116. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-99-116

Понятие идеологии принадлежит к числу наиболее часто используемых и в то же время наименее ясных и определённых. По словам Г. И. Мусихина, идеология «является одним из самых распространенных терминов в мире политического и одновременно одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории» [Мусихин, 2013б, с. 9]. Несмотря на разностороннюю критику этого понятия, оно по-прежнему сохраняет своё значение, порождая новые концептуализации, провоцируя научные и околонучные дискуссии.

Задача статьи состоит в обосновании необходимости различения двух дисциплинарных контекстов употребления термина «идеология» и соответствующих им ракурсов рассмотрения идеологических феноменов. Значимость данной задачи для социального познания обусловлена тем обстоятельством, что терминологическая путаница, часто сопровождающая не только политические, но и теоретические дискуссии вокруг понятия «идеология», зачастую простирается

из неразличения двух аспектов (философско-парадигмального и социологического) проблемы идеологии.

В начале XXI в., как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение» [Малинова, 2003, с. 30]. Наличие в современной исследовательской литературе множества трактовок и определений идеологии, ориентированных на различные философские и методологические направления (марксизм и постмарксизм, социология знания, структурализм и постструктурализм, философская герменевтика, семиотика культуры), локализованных в разных дисциплинарных и междисциплинарных контекстах (политическая философия, история идей, политическая социология, культурология, политическая лингвистика), делает актуальной задачу типологии. В контексте данной статьи представляется целесообразным ограничиться двумя вариантами типологии трактовок идеологии и подходов к её изучению.

1. Многообразие подходов к пониманию идеологии и направлений её исследования можно упорядочить, взяв за основу критерий *проблемного поля*. В философии XX в. обнаруживаются два мощных полюса притяжения (и отталкивания), во многом определяющих проблематику и исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук, – «сознание» и «язык». Исходя из этого, в теории идеологии целесообразно выделять исследовательские подходы и направления, рассматривающие идеологию по преимуществу как форму общественного *сознания*¹, и подходы, предполагающие анализ идеологии как формы *языка*². В первом случае идеология предстает в качестве *социально-когнитивного* феномена, а её концептуализации осуществляются на стыке социальной философии, эпистемологии и истории идей. Во втором случае идеология мыслится как феномен *социально-лингвистический*, и концептуализация этого понятия осуществляется в проблемном поле философии языка, семиотики и теории культуры. Наконец, в отдельную, третью, группу следует выделить исследования, в рамках которых идеология рассматривается и как социально-когнитивный, и как лингвистический (дискурсивный) феномен³.

¹ Помимо анализа идеологии в классическом марксизме и «социологии знания» К. Манхейма сюда следует отнести теорию «деидеологизации» (Д. Белл, С. М. Липсет, Р. Арон), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, Д. Аптер, Н. Луман) и концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы.

² Здесь в первую очередь следует упомянуть различные постструктуралистские (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр) и постмарксистские (А. Бадью, С. Жижек, Ш. Муфф, Э. Лакло) трактовки идеологии. К этой же группе нужно отнести и критический дискурс-анализ Т. А. ван Дейка.

³ В последние десятилетия подход, в рамках которого идеология рассматривается как гибридный когнитивно-дискурсивно-социальный феномен, получил широкое распространение в работах как

2. Второй вариант типологии связан с проблемой *оценки* социально-когнитивного статуса идеологии. Во всем многообразии современных философских, социально-политических, психологических, исторических, лингвистических исследований феномена идеологии можно выделить два подхода – критический и нейтральный (см.: [Бурсевиц, 2010]).

В рамках критического подхода, восходящего к классическому марксизму, *познавательная* задача изучения идеологии подчиняется задаче *практической*, то есть *политической*. Такую стратегию критики идеологии можно назвать *идеологической*. В отличие от научной (или научно-философской) критики, требующей от исследователя «равноудалённости» по отношению ко *всем* содержательно конкретным идеологическим позициям, идеологическая критика – это всегда «разоблачение» *одной идеологии с позиций другой*⁴. Идеологическая критика идеологии, строго говоря, вообще оказывается за пределами научной рациональности (по крайней мере, в классическом её понимании)⁵.

В рамках нейтрального подхода термин «критика» применительно к идеологическому сознанию используется в кантовском смысле: критика есть прояснение оснований и установление границ⁶. Исследователи, придерживающиеся нейтрального подхода, ориентируются на выработку *безоценочного* понимания идеологии и разработку адекватных такому пониманию стратегий исследования⁷. Укорененная в марксистской традиции, но давно уже вышедшая за её пре-

западных (К. Гирц, М. Фриден, Дж. Балкин), так и отечественных (А. И. Соловьев, Г. И. Мусихин) исследователей.

⁴ Петер Слотердаjk удачно назвал данный феномен «взаимным выслеживанием идеологий» [Слотердаjk, 2001, с. 7].

⁵ Каких бы методологических презумпций и исследовательских стратегий ни придерживались сторонники «критического подхода», они неизбежно сталкиваются с пресловутым «парадоксом Манхейма» (см.: [Малинкин, 2015]). Суть этого парадокса в следующем: поскольку идеология является функцией социального бытия субъекта и внеидеологической позиции в пространстве политического быть не может, постольку любая *критика идеологии* с неизбежностью оказывается *идеологической критикой* (то есть критикой одной идеологии с позиций другой). Задача выработки неидеологического (безоценочного) понятия идеологии, таким образом, не просто остаётся нерешённой, но оказывается в принципе *неразрешимой*.

⁶ Критика нейтрального подхода и реактуализация марксистского понимания идеологии как «ложного сознания» дается в статье Э. Ю. Соловьева «Философия как критика идеологий». Автор усматривает миссию философии в деидеологизации общественного и индивидуального сознания. Термин «критика» в названии и тексте статьи используется отнюдь не в кантовском смысле, а скорее как синоним «преодоления», «изживания» (см.: [Соловьев, 2018]).

⁷ Свободное от оценок *понятие идеологии* часто ошибочно смешивается со свободным от оценок отношением к тем или иным *конкретным идеологиям*. Если второе действительно невозможно, то первое не только возможно, но даже необходимо. Подобно тому как свободное от оценок понятие религии вовсе не предполагает религиозного релятивизма или индифферентизма, так же и безоце-

дела трактовка идеологии как «ложного сознания» и «иллюзорного видения социальной действительности» в рамках нейтрального подхода утрачивает свою легитимность и пересматривается.

Далее мы будем говорить по преимуществу о нейтральном подходе, оставляя за скобками ряд современных направлений, в которых изучение идеологии подменяется её разоблачением, а социальная наука и политически ангажированная практика образуют причудливый симбиоз⁸.

Феномен идеологии может быть развернут и представлен в двух ракурсах – научно-эмпирическом и социально-философском. Каждому из этих ракурсов соответствует определенный способ употребления термина «идеология». Рассмотрим их.

Определяющим для понимания феномена идеологии в рамках социологических, политологических, психологических, лингвистических и прочих научно-эмпирических исследований является тот факт, что термин «идеология» выступает в качестве *характеристики определенных социальных групп или институтов*. Это, пожалуй, наиболее общая и в то же время наименее содержательно конкретная характеристика идеологии. Так понятая идеология есть функция социального существования, причём эта функция всегда «привязана» к конкретному социальному субъекту («идеология среднего класса», «идеология этнических меньшинств» и т. д.) или структуре («идеология современной России», «официальная идеология государства»). Идеология как «конкретно-историческая идеология» представляет собой содержательно определенный комплекс верований, убеждений, ценностей, установок, носителем (и/или продуктом) которых выступает та или иная социальная общность прошлого или настоящего. Конкретные трактовки этого понятия в рамках отдельных теорий и содержательные различия между ними в данном случае нас не интересуют⁹.

ночное понятие идеологии не имеет ничего общего с «идеологической беспристрастностью» субъекта социального познания. Важные пояснения на этот счет были сделаны Клиффордом Гирцем в статье «Идеология как культурная система» [Geertz, 1964].

⁸ Ярким примером такого рода выступают постмарксистские концепции Э. Лакло и Ш. Муффа, С. Жижека, К. Кастириадиса. Общий знаменатель этих концепций составляют принципы антиэссенциализма, антиуниверсализма и антителеологизма, а также своеобразно понятый «практический поворот» (См.: [Борисов, Инишев, Фурс, 2008. С. 148–152]).

⁹ Содержание идеологии может проявляться через понятия «социальный интерес», «социальное напряжение», «гегемония», «легитимация господства», «дискурс» и т. д. Идеология может рассматриваться как целостная система (или эклектичный набор) присущих группе коллективных верований и убеждений. Эти верования и убеждения (а также социальные презумпции, ценностные установки), в свою очередь, могут мыслиться как *порождающие* определенные дискурсивные практики или как *порождаемые* последними. Об основных исследовательских подходах к анализу идеологии см.: [Мусихин, 2013а].

Рассмотрим теперь понятие идеологии в ином – социально-философском – ракурсе. Для обозначения этого ракурса воспользуемся термином «парадигма». Данный ракурс задаёт иной контекст употребления термина. Слово «идеология» и в научном, и в политическом языке используется для обозначения таких конструкций, как «анархизм», «классический либерализм», «социал-консерватизм», «коммунитаризм», «феминизм», «экологизм», «солидаризм», «христианский социализм» и т. д. Очевидно, что во всех этих случаях термин «идеология» имеет уже иное значение, нежели «спектр верований и убеждений, присущих социальной группе». Ни один из приведённых «измов» не может рассматриваться как выражение интересов или идентичности той или иной социальной группы. Каждая из приведенных «идеологических парадигм» претендует быть чем-то большим и иным, нежели системой коллективных верований отдельных групп¹⁰. Что «делает» идеологическая парадигма, какова её функция в контексте социальной жизни? В отличие от «конкретно-исторической идеологии», которая «выражает интересы» группы и/или обеспечивает групповую идентичность, «идеологическая парадигма» *структурирует* социально-политическое пространство, делает его понятным и осмысленным. Так понятая идеология придаёт семантическому полю политики структурированность, «картографирует» территорию политического, причём разные идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) делают это по-разному¹¹.

В чем принципиальные отличия позитивно-научного ракурса рассмотрения идеологии от социально-философского?

1. Идеология, исследуемая в позитивно-научном (социологическом, психологическом, лингвистическом и т. д.) ключе, предстаёт как нечто локальное, «партикулярное», не имеющее универсалистских притязаний. Идеология как гарантия (или возможность) социальной идентичности группы не может рассматриваться как нечто *универсальное* (или *претендующее на универсальность*).

¹⁰ В данном случае не имеет принципиального значения, с каким из двух базовых понятий мы связываем функционирование идеологии как конкретно-исторического комплекса убеждений – с понятием «интереса» или понятием «идентичности». Идеология может рассматриваться как «выражение интереса» или как «выражение идентичности», в обоих случаях она мыслится как характеристика конкретных социальных общностей.

¹¹ Несмотря на то что идеологическая парадигма, несомненно, выполняет «мировоззренческую» (или даже *мирооткрывающую*) функцию, ставить знак равенства между «идеологией» и «мировоззрением» было бы неправильно. Во-первых, не всякие представления об обществе, государстве, праве в рамках мировоззрения можно назвать идеологическими (они могут иметь не идеологическую, а религиозную или мифологическую природу). Во-вторых, идеология никогда не исчерпывает собой всего мировоззрения. Понятия «идеология» и «мировоззрение» соотносятся как надводная и подводная части айсберга. В целом можно принять предложенную У. Матцем трактовку идеологии как «политико-социального мировоззрения» Нового времени (см.: [Матц, 1992, с. 136]).

Даже такие примеры, как «господствующая идеология», «официальная идеология», «государственная идеология», не являются здесь исключением. «Официальная» идеология предполагает существование идеологий «неофициальных», «оппозиционных»; идеология может быть «господствующей» только потому, что она не является единственной и т. д. В противоположность этому идеология, рассматриваемая в *философском* ключе, содержит в себе универалистские притязания, то есть претендует на то, чтобы быть учением и системой знаний об «обществе как таковом», «сущности» права и государственной власти и т. д. Иными словами, всякая идеологическая парадигма обладает имманентной склонностью к *самогипостазированию*.

2. Конкретно-историческая идеология, обеспечивающая групповую идентичность, в содержательном отношении, как правило, эклектична, фрагментарна и по своей внутренней организации более напоминает лоскутное одеяло, нежели научную теорию или философскую систему. Идеология как фактор групповой идентичности может включать представления, заимствованные из различных идеологических парадигм, метафизических, этических, политико-правовых доктрин, религиозных и мировоззренческих учений. Иными словами, содержание конкретно-исторической идеологии *гетерогенно*. Идеология же, рассмотренная в философском ракурсе, уже не является эклектичным набором разнородных элементов. Она представляет собой концептуальное единство, системную взаимосвязь¹².

Идеология, рассматриваемая в первом аспекте, исчерпывается теми социальными функциями, которые она выполняет в конкретную эпоху и в конкретном социально-историческом контексте. Главной функцией, которая традиционно приписывается идеологии, состоит в обеспечении групповой идентичности. Идеология, по словам Г. И. Мусихина, «упорядочивает коллективные представления своих сторонников» [Мусихин, 2011, с. 129], задаёт «схематизацию групповой идентичности» [Там же, с. 143]. Не ставя под сомнение значимость данной функции, отметим, что идеология как конкретная система верований и убеждений может задавать схему идентичности социальной группы *благодаря тому*, что члены группы всякий раз обнаруживают себя в упорядоченном и структурированном *идеологическими парадигмами* социальном пространстве.

При такой трактовке понятия «идеологическая парадигма» как будто окончательно стирается грань между социально-философскими и политико-правовыми

¹² Разумеется, нельзя сказать, что каждая из названных идеологических доктрин представляет собой стройную, логически непротиворечивую систему мысли. Однако стремление к целостности и завершенности столь же характерно для идеологических построений этого типа, как и претензия на универсальную значимость.

учениями, с одной стороны, и идеологиями – с другой; философские трактовки общества, истории, государства начинают рассматриваться в качестве *концептуальных оснований* идеологий или даже полностью отождествляются с последними. Следуя в этом русле, мы получаем привычные хрестоматийные формулировки, вошедшие в научную литературу, учебники, словари: «Дж. Локк является родоначальником классического европейского либерализма»; «Иван Ильин в своем учении о государстве и праве заложил основы либерального консерватизма»

и т.д. История политической философии здесь как будто окончательно сливается с историей идеологий.

Не углубляясь в проблему соотношения философии и идеологии (проблему идеологической «нагруженности» социально-философского знания), заметим, что смешение философских учений с идеологическими парадигмами затрагивает лишь тот тип философской рефлексии, который принято именовать «догматическим», «спекулятивным» или «метафизическим». В тех случаях, когда философия берет на себя функцию формирования *определенного, содержательно конкретного мировоззрения*, отождествляемого, как правило, с одним из философских «измов», ей действительно не избежать смешения с идеологией, если понимать последнюю как «парадигму» политического мышления. Однако такое смешение не грозит тем направлениям, которые на протяжении всего XX в. стремились дистанцироваться от «мировоззренческого» понимания философии¹³.

Различие между философско-политическими концепциями и идеологическими учениями не сводится к различию «теоретической» и «практической» ориентаций. Дело не в том, что «мир философии политики связан с поисками истины, с последовательностью и непротиворечивостью идей», а «мир идеологии связан с приложением идей на практике, как бы они ни были непоследовательны, неполны или противоречивы» [Малинова, 2001, с. 15]. Ориентация на поиск истины не помешала многим философам сыграть важную (если не решающую) роль в истории идеологий (достаточно назвать имена Дж. Локка, К. Маркса, К. Шмитта). Историческое развитие философии дает немало примеров учений, применительно к которым невозможно провести *никакого* различия между «политической философией» и «идеологией» (причём речь идёт о мысли-

¹³ Здесь следует упомянуть прежде всего неокантианство, феноменологию, аналитическую философию, семиотику и философскую герменевтику. Намеченная трактовка понятия идеологической парадигмы отсылает прежде всего к таким философско-методологическим направлениям и исследовательским программам, как семиотика культуры и теория символических форм Э. Кассирера и С. Лангер. Однако детальная проработка этого понятия, выявление его философских оснований и эвристического потенциала – задачи, выходящие за пределы данной статьи.

телях, относящихся к разным частям политико-идеологического «спектра»). Возможность разрешения запутанной проблемы соотношения философии и идеологии, на наш взгляд, связана, во-первых, с раскрытием содержания понятия «идеологическая парадигма», во-вторых, с различением двух типов социально-философской рефлексии (метафизического и постметафизического). Кроме того, нельзя не признать, что опасения по поводу смешения, взаимопереплетения политической философии и идеологии, истории политических учений и истории идеологий в значительной степени есть следствие «рецидива» марксистской трактовки идеологии как «ложного сознания». Вернемся к различию двух аспектов проблемы идеологии.

Если задача социальных наук состоит в изучении идеологии как комплекса верований, убеждений, ценностей, присущего определенным социальным группам, то задачей постметафизической социальной философии является анализ и критика *идеологических парадигм*. Однако между этими двумя понятиями идеологии и ракурсами её рассмотрения не существует никакого барьера. Содержательное «наполнение» исторически-конкретных идеологий осуществляется посредством включения в их состав элементов различных идеологических парадигм, а последние, в свою очередь, не будучи оторванными от социально-исторической жизни вневременными сущностями, трансформируются в стихии социально-политической жизни.

Содержательные различия между идеологическими парадигмами (например, либерализмом и консерватизмом) *отчётливее проявляются* в трактатах по философии права или теоретической социологии, нежели в изучаемых политологии и политической лингвистикой программах партий и листовках (в силу того, что язык теоретического знания отличается большей строгостью и рефлексивностью, нежели язык публичной политики). Однако из того, что «парадигмальная» упорядоченность социальной действительности оказывается более заметна на уровне *языка философии*, не следует, что идеологические парадигмы есть оторванные от социальной жизни «философские абстракции», пригодные лишь для упорядочивания и классификации политических учений.

Несмотря на обозначенную тесную взаимосвязь, взаимообусловленность социально-исторического и «парадигмального» аспектов идеологического сознания, важно избежать смешения двух понятий, обозначаемых одним и тем же термином «идеология».

Понятие «идеологической парадигмы» позволяет по-новому взглянуть на проблему реконструкции истории идеологий и политических идей. Следует согласиться с О. Ю. Малиновой, что каждая из «великих идеологических традиций» XIX века (либерализм, социализм, консерватизм) в XX веке претерпела су-

ществленные трансформации, но едва ли можно принять тезис о том, что «в настоящее время ни одну из этих идеологий нельзя свести к какой-то одной форме» [Малинова, 2001, с. 21]. В этом случае следовало бы признать, что значение понятий «либерализм», «социализм», «консерватизм» задаётся *сугубо контекстуально* (или даже *конвенционально*). Мы исходим из того, что при всех различиях конкретных исторических и политических конфигураций либерализма, у них имеется некое «жёсткое ядро» или «общий знаменатель». Именно его мы и называем «либеральной идеологической парадигмой».

Разберем возражение самого общего порядка, которое может возникнуть в связи с представленным в статье различием двух аспектов идеологии. Суть его можно сформулировать в виде трех взаимосвязанных вопросов. 1. Какое значение может иметь понятие «идеологическая парадигма», фиксирующее *инвариантный* характер ряда идеологических значений, в условиях, когда универсалистские философско-идеологические притязания на целостное, логически непротиворечивое видение социальной жизни признаны иррелевантными и отвергнуты, а плюрализм и историзм провозглашены в качестве ключевых мировоззренческих и этико-аксиологических принципов? 2. Может ли понятие идеологической парадигмы быть вписано в интеллектуальный контекст, сформированный методологическими принципами конструктивизма и конвенционализма, в котором тезис об относительности всякого идеологического значения и даже всякого социального знания давно уже стал общим местом? 3. Почему нельзя ограничиться научно-эмпирическим анализом феноменов идеологического сознания, полностью отвергнув «спекулятивные» философские построения?

Каждый из этих вопросов заслуживает детального разбора и отдельного исследования. В рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми замечаниями самого общего порядка. Во-первых, понятие идеологической парадигмы вполне совместимо с презумпцией историчности всех идеологий и идеологических значений (и даже с презумпцией историчности *самой идеологии* как формы сознания или культурно-символической формы). Во-вторых, за провозглашением методологических принципов (конструктивизм, конвенционализм) далеко не всегда следует их фактическое осуществление в практике социальных исследований. В-третьих, всякая позитивно-научная (социологическая, политологическая, лингвистическая) трактовка понятия «идеология» неизбежно несет на себе отпечаток философских концептуализаций.

Остановимся более подробно на втором и третьем тезисах. Разберем некоторые трудности методологического и эпистемологического порядка, с которыми сталкиваются социальные исследования, руководствующиеся исключительно

«социологическим» понятием идеологии и выносящие за скобки парадигмальный его аспект.

Обратимся к статье Г. И. Мусихина «Дискурсивный анализ идеологии: возможности и ограничения» [Мусихин, 2011]. Раскрывая эвристический потенциал дискурсивного подхода, автор отмечает, что трактовка идеологии как дискурса (и структуры, порождающей дискурсы) должна быть дополнена социокогнитивным компонентом. Мусихин рассматривает идеологию как гибридный феномен, включающий в себя дискурсивные, социальные и когнитивные аспекты. «Идеология» определяется как «коллективно исповедуемая система убеждений, субъектом которой обязательно является та или иная социальная группа» [Мусихин, 2011, с. 128]. Исходя из данного определения, социальные коллективы могут быть разделены на «идеологизированные» и «неидеологизированные». Здесь обнаруживается первая теоретическая трудность, с которой сталкивается социологическое понятие идеологии. Как отделить идеологизированные коллективы от иных общностей, как отграничить группы, имеющие «идентификационные идеологии», от общностей, не имеющих таковых (культурных, языковых, национальных и пр.)? На каком основании это разделение может быть проведено? Стоит заметить, что данные вопросы приобретают особую остроту в условиях размывания социальных границ и идентификационных стратегий, характерных для современного постиндустриального общества.

Содержание понятия «идеологизированная группа» Г. И. Мусихин раскрывает следующим образом: «сообщество, объединенное общей практикой и общим дискурсом, в которых проявляется общая система убеждений» [Мусихин, 2011, с. 132]. Под это определение, однако, могут быть подведены многие социальные общности, не имеющие прямого отношения к политической жизни и не являющиеся идеологическими. Очевидно, что вопрос о том, чем идеологические социальные группы отличаются от неидеологических, отсылает к более фундаментальному вопросу – в чём отличие идеологического типа *сознания* (или идеологического типа *дискурса*) от неидеологического? Очевидно, что если с самого начала рассматривать идеологию только в плоскости социально-политических, социально-психологических, социально-лингвистических исследований, то этот вопрос останется без ответа.

Ещё одна теоретическая проблема, возникающая в процессе изучения феноменов идеологического сознания, состоит в оценке *когнитивной природы идеологии*. Эта проблема в большей или меньшей степени занимала всех политических теоретиков, начиная с Дестюта де Траси и заканчивая Славоем Жижекком. Особую остроту она приобретает в контексте нейтрального подхода к анализу

идеологии¹⁴. Ключевым здесь оказывается вопрос о соотношении и взаимоотношениях идеологии и науки, идеологии и социального знания. При всех оговорках относительно взаимовлияния и взаимопроникновения научных знаний и идеологических доктрин, относительности и «интерсубъективности» знания, само когнитивное различие между идеологией и наукой остаётся неизбежным. Это различие сохраняет свое конститутивное значение и для социальных исследований. В этой связи интерпретация науки как «одной из форм идеологии» [Фейерабенд, 1986, с. 518] означала бы конец научной рациональности (см. [Демин, 2015]).

Различие между «знанием» и «идеологией» Мусихин трактует как различие социологическое, а не эпистемологическое. Идеология противопоставляется не знанию как таковому, а общему знанию. «Если посмотреть на понимание знания не семантически, а прагматически, то выяснится, что знание – это во многом консенсус между теорией познания и конкретным набором информации, которой владеет то или иное общество. Это превращает истинное знание в относительное и интерсубъективное (если смотреть на него со стороны) и в то же время делает его “объективным” в масштабах социальных и культурных установок данного общества» [Мусихин, 2011, с. 140] (курсив Мусихина. – И. Д.). Так понятое знание хотя и является относительным, но «не перестает быть общим для данного сообщества, а значит, не является идеологическим» [Там же]. Обратим внимание на ход рассуждений автора: знание *представляется* сообществу знанием *объективным* потому, что (для данного сообщества) оно является *общим*. Отсюда недалеко до рассуждения, согласно которому знание признаётся (относительно) *истинным* на том основании, что оно является *общим*. Такова, как известно, точка зрения конвенционализма.

Социологическое понимание идеологии («набор коллективных убеждений социальной группы») опирается на различие между «общими убеждениями», которые могут выполнять идеологические функции, и «общими знаниями», не связанными с политико-идеологической идентификацией. «Общие убеждения (в том числе идеологические), – отмечает Мусихин, – предполагают наличие общего знания» [Там же, с. 141]. Однако никаких чётких границ между «знанием» и «идеологией» автор не проводит. Сложность (или даже неразрешимость) данной проблемы в рамках социальных исследований связана с тем обстоятельством, что представители идеологических групп зачастую преподносят свои идеологические убеждения как фактическое знание. «Идеологические верования той

¹⁴ Коль скоро трактовка идеологии как «ложного сознания» признаётся иррелевантной, идеология более не может однозначно рассматриваться как антитеза научного познания.

или иной группы, – пишет Мусихин, – мыслятся как таковые только с внешних эпистемологических позиций, а самими членами группы воспринимаются как «общее знание» [Мусихин, 2011, с. 141]. Иными словами, социальные группы, обладающие различными «идентификационными идеологиями», зачастую вкладывают в понятие общего знания совершенно разный смысл, наделяют этим статусом разные (даже взаимоисключающие) комплексы представлений. Как в этих условиях должна решаться проблема «общего знания», коль скоро отвергнуты «внешние» (эпистемологические) критерии объективности? Нам представляется, что ответ на этот вопрос не может быть получен до тех пор, пока сами термины «идеология» и «общее знание» употребляются в усредненно-конвенциональном значении. Невозможно приблизиться к разрешению проблемы когнитивного статуса идеологии, оставаясь в границах конвенционалистского и социологического понимания знания.

В границах конвенционалистской трактовки знания термин «идеология» (как и любой другой термин, обозначающий фундаментальное понятие) всегда будет использоваться в смутном, неопределенно-усредненном значении, которое в пределе может быть выражено с помощью печально известной формулы: идеология есть то, что люди, интересующиеся политикой, *считают идеологией*¹⁵.

Методологическая ограниченность конвенционализма в исследованиях идеологии высвечивает ещё одну теоретическую проблему. Её можно обозначить как несовпадение *идентичности субъекта* с его идеологической *самоидентификацией*¹⁶. Очевидно, что социальные субъекты и группы могут *заблуждаться* относительно собственной идеологической идентичности. Человек, руководствующийся в политической жизни *либеральным* пониманием свободы, государства и права, может искренне считать себя *консерватором*, идентифицировать свою идеологическую идентичность как «консервативную» (возможен и обратный пример). В горизонте конвенционализма мнение этого человека будет признано ошибочным на том основании, что оно расходится с господствующим, общим, усредненным пониманием того, что такое «консерватизм» и «либерализм». Но здесь необходимо спросить: может ли само это общее и усредненное понимание быть ошибочным? Оставаясь в границах социологического понимания знания и идеологии, мы должны дать однозначно отрицательный ответ

¹⁵ Данная схема рассуждений может быть экстраполирована и на каждую идеологию в отдельности: поскольку никакой объективной и универсальной сущности либерализма не существует, либеральной должна считаться та позиция, которая *признаётся* (большинством или всеми) в качестве таковой. Либерализм есть то, что в общественном мнении маркируется в качестве либерализма.

¹⁶ Языковой аспект этой проблемы – несовпадения языка, на котором группа описывает свою идентичность (языка самоописания), и языка социального познания (языка научного описания).

на этот вопрос. Не лишаются ли в этом случае такие термины, как «идеология», «либерализм», «консерватизм» не только универсального (внеконтекстуального) значения, но и вообще какого-либо смысла? Не становятся ли они «означающими без означаемого»?

В перспективе обоснования необходимости *философской* теории идеологии важно обратить внимание ещё на один тезис, представленный в упомянутой статье. Отмечая трансформацию идеологических значений в контексте социально-исторической жизни, Мусихин пишет: «Определенные изначально идеологические представления получают столь широкое распространение, что начинают восприниматься в качестве устойчивых убеждений и социальных практик всего общества той или иной страны. Сегодня равенство всех людей перед законом считается общепринятой конституционной нормой, хотя это изначально было требованием либеральной идеологии» [Мусихин, 2011, с. 129]. Иными словами, идеологические постулаты, становясь всеобщим достоянием, приобретая статус «общего знания» (или общепринятых принципов и норм), *перестают быть идеологическими*. Но это рассуждение можно продолжить в весьма неблагоприятном для конвенционализма ключе: заблуждение, разделяемое всеми (или большинством), *перестает быть заблуждением*. К такому парадоксу неизбежно приходит следующая в русле конвенционализма социологическая трактовка знания.

Если социальная наука принимает конвенционализм в качестве базового методологического принципа, она тем самым лишает себя возможности «поправлять» общество, «заблуждающееся» относительно собственной идеологической идентичности. Коль скоро все философские «универсалии» отвергнуты, историзированы и контекстуализированы, иных критериев, кроме общественных мнений, (временно) функционирующих в режиме «общего знания», в распоряжении социального исследователя не остаётся.

Вернемся к рассматриваемому примеру. Требования и презумпции классического либерализма в современном (западном) мире *перестают рассматриваться* как «идеологические» и *воспринимаются* как «всеми принимаемые» и «само собой разумеющиеся» (принцип правового равенства, разделение властей, приоритет прав человека по отношению к государственным интересам и т. д.). Руководствуясь различием двух аспектов идеологического сознания – социально-исторического и парадигмального, – следовало бы интерпретировать этот пример так: от того, что верования и убеждения, составлявшие некогда содержание одной, определенной идеологии, начинают восприниматься *большинством* (или даже *всеми* членами общества) как самоочевидные, они не утрачивают своего *идеологического* характера, не становятся ни «общим знанием», ни транс-

историческими истинами о социуме, человеке и государстве. Эти верования и убеждения приобретают черты *фоновой идеологии*. Однако из того, что данные верования и убеждения *перестают восприниматься* на уровне *обыденного сознания* (или даже на уровне *социальных исследований*) как «идеологически маркированные», не следует, что они утрачивают свою идеологическую природу.

Ограниченность социологического анализа феномена идеологии проистекает из господствующей в современных социальных исследованиях конструктивистской и конвенционалистской трактовки знания. Ни одна из рассмотренных проблем, связанных с функционированием идеологий (основания различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, соотношение идеологических убеждений и общезначимых социальных знаний, ошибочная идеологическая идентификация и самоидентификация), не получает адекватного разрешения в методологическом контексте социального конструктивизма и конвенционализма. Это делает необходимым обращение к философским истокам и основаниям различных трактовок идеологического сознания.

Постановка и осмысление проблемы идеологии в *философском* контексте, реабилитация философской теории идеологии не означает возврата к принципам эссенциализма, реализма и универсализма, иными словами, не ведёт с необходимостью к «метафизике». Возможности, общие контуры и направления неметафизической, постметафизической политической философии и теории идеологии, свободной от методологических крайностей конструктивизма и объективистского реализма, нуждаются в специальном изучении и прояснении. Однако заранее можно отметить, что философская концептуализация идеологии едва ли пройдёт мимо различий двух аспектов идеологии: конкретной системы верований и убеждений социальной группы и «идеологической парадигмы».

Подведем итог. Различение двух ракурсов рассмотрения идеологии – социологического и философского (парадигмального) – сохраняет свое значение применительно к любому подходу и исследовательскому направлению, независимо от того, в каком ключе рассматривается идеология – критическом или нейтральном. Кроме того, различение двух аспектов проблемы идеологии имплицитно присутствует и предполагается как в тех трактовках, которые ориентируются на проблемное поле «сознания», так и в тех, которые описывают проблему идеологии в терминах философии языка и семиотики.

Список литературы

Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. Т. 1.

- Бурсевич В. В.** Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманит. науки. 2010. № 1. С. 95–100.
- Демин И. В.** Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-техн. ведомости Санкт-Петерб. гос. политехн. уни-та. Гуманит. и обществ. науки. 2015. № 1 (215). С. 146–153.
- Малинкин А. Н.** Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопр. философии. 2015. № 11. С. 175–186.
- Малинова О. Ю.** Когда «идеи» становятся «идеологиями»? К вопросу об изучении «измов» // Филос. век. СПб.: Санкт-Петерб. центр истории идей, 2001. Вып. 18. История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 2. С. 11–26.
- Малинова О. Ю.** Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Полит. наука. 2003. № 4. С. 8–30.
- Матц У.** Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Полит. исследования. 1992. № 1. С. 130–142.
- Мусихин Г. И.** Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Полит. исследования. 2011. № 5. С. 128–144.
- Мусихин Г. И.** Методология исследования идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям // Полит. наука. 2013а. № 4. С. 11–30.
- Мусихин Г. И.** Очерки теории идеологий. М.: Высш. шк. экономики, 2013б.
- Слотердаjk П.** Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.
- Соловьев Э. Ю.** Философия как критика идеологий // Полит. концептология: журн. метадисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 16–48.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Geertz C.** Ideology as a Cultural System. In: D. Apter (ed.). Ideology and Discontent. New York, Free Press, 1964, pp. 47–76.

References

- Borisov E., Inishev I., Furs V.** Prakticheskii povorot v postmetafizicheskoj filosofii [A practical turn in post-metaphysical philosophy]. Vilnius, EGU, 2008, vol. 1. (in Russ.)
- Bursevich V. V.** Kriticheskii i neutral'nyi podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyi analiz [Critical and neutral approaches to the study of ideology: a comparative analysis]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 1, pp. 95–100. (in Russ.)

- Demin I. V.** Problema sootnosheniia ideologii i nauki v sovremennoi epistemologii [The problem of correlation between ideology and science in modern epistemology]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 1 (215), pp. 146–153. (in Russ.)
- Malinkin A. N.** Sotsiologiya znaniia M. Shelera i K. Mankheima: sravnitel'nyi analiz metodologii [Sociology of knowledge by M. Scheler and K. Mannheim: a comparative analysis of methodologies]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 11, pp. 175–186. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Kogda “idei” stanoviatsia “ideologiyami”? K voprosu ob izuchenii “izmov” [When do “ideas” become “ideologies”? To the question of the study of “isms”]. In: *Filosofskij vek*. St. Petersburg, 2001, iss. 18, part 2, pp. 11–26. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniiaakh [The concept of ideology in contemporary political studies]. *Politicheskaya nauka*, 2003, no. 4, pp. 8–30. (in Russ.)
- Mats U.** Ideologii kak determinanta politiki v jepohu moderna [Ideologies as a determinant of politics in the era of modernity]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1992, no. 1, pp. 130–142. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Diskursivnyi analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranicheniia [Discursive analysis of ideologies: opportunities and limitations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 5, pp. 128–144. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Metodologiya issledovaniia ideologii: ot povedencheskogo analiza k poststrukturalistskim kontekstual'nym modeliam [Methodology for the study of ideologies: from behavioral analysis to poststructuralist contextual models]. *Politicheskaya nauka*, 2013a, no. 4, pp. 11–30. (in Russ.)
- Musikhin G. I.** Ocherki teorii ideologii [Essays on the theory of ideologies]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2013b. (in Russ.)
- Sloterdijk P.** Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason]. Translation from German. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2001. (in Russ.)
- Solovyev E. Yu.** Filosofiya kak kritika ideologii [Philosophy as a critique of ideologies]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2018, no. 1, pp. 16–48. (in Russ.)
- Feyerabend P.** Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected works on the methodology of science]. Translation from English and German. Moscow, Progress, 1986. (in Russ.)
- Geertz C.** Ideology as a Cultural System. In: D. Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York, Free Press, 1964, pp. 47–76.

Информация об авторе

Илья Вячеславович Демин, доктор философских наук, доцент
профессор кафедры философии Самарского национального исследователь-
ского университета имени академика С. П. Королева

Information about the Author

Ilya V. Demin, Doctor of Philosophical Sciences, Docent
Professor at the Department of Philosophy, Samara National Research University

*Статья поступила в редколлегию 02.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 02.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*